

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ДОМ РОССИЙСКОЙ АРМИИ
имени М.В.Фрунзе**

Методический отдел

**Песни Великой Победы
(к 75-летию Победы советского народа
в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.)
Выпуск 3**

Методическое пособие

Москва 2020 г.

Бегут годы. Сменяются поколения. Новое время – новые песни. Но и старые, хорошие, обязательно остаются. Они не уходят «в запас». Их, эти песни, не разучивают специально, не издают тысячными тиражами к юбилейным победным датам. Редко, а то и совсем не услышишь их по радио и в телевизионных передачах. А вот живут и продолжают жить они в сердце и в памяти народной, передаются от поколения к поколению.

Песни Великой Отечественной войны. Их пели не только воины. Их пел весь наш народ, жил с ними, черпал в них оптимизм и силу в годину суровых испытаний. Да и могло ли быть иначе?

Песни эти близки и дороги также и тем, кто родился под мирным небом, – молодежи и детям. И не только потому, что в них оказались затронутыми общие для военной поры настроения и надежды, в этих песнях отразились во всей определенности красота и величие народа страны, его нравственные устои, обнажившиеся в условиях суровых испытаний.

В данном пособии вы познакомитесь с песнями любимыми и популярными в военные годы, но по разным причинам не получившим широкого распространения в мирные дни.

Ответственный за выпуск
начальник ФГБУ «ЦДРА» Минобороны России
заслуженный работник культуры Российской Федерации
Мазуренко В.И.

Составители:

начальник методического отдела
заслуженный работник культуры Российской Федерации
Хробостов Д.В.,

ведущий методист методического отдела
заслуженный работник культуры Российской Федерации
Дмитриченко В.А.,

начальник группы (методики культурно-досуговой работы)
заслуженный работник культуры Российской Федерации
Иванов Ю.Е.,

методист группы (методики культурно-досуговой работы)
Капанина М.Н.

Отзывы, замечания и предложения просим направлять по адресу:
129110, г. Москва, Суворовская пл., д. 2, стр. 1
федеральное государственное бюджетное учреждение культуры и искусства
"Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе»
Министерства обороны Российской Федерации,
методический отдел
Контактные телефоны: 8-495-681-56-17, 8-495-681-28-07

«В годы войны я служила на Балтике. Наша часть базировалась в Кронштадте. Несмотря на блокаду и непрерывные артобстрелы, к нам нередко навевались артисты из Ленинграда. Однажды приехала бригада Центрального Военно-Морского ансамбля, и мы впервые услышали всем нам очень понравившуюся песню «Бескозырка». Никто не запомнил фамилию исполнителя, но слова и мелодию песни «схватили» как-то сразу. Через неделю мы уже пели ее в строю.

Много лет прошло с той поры, но «Бескозырку» мы поем и сегодня, когда приезжаем на встречу ветеранов дважды Краснознаменного Балтийского флота. Она стала для всех нас своеобразным гимном мужеству балтийских моряков. Да и не только балтийских. Ее поют на Северном и Черном морях. Поют матросы, родившиеся после войны.

Получается – поем все, а кого поблагодарить за эту прекрасную песню, не знаем. Расскажите про ее авторов.

Ткачева М.А.

г. Прохладный Кабардино-Балкарской АССР».

Первые сведения об авторах песни «Бескозырка» удалось отыскать в архиве создателя ансамбля – выдающегося советского композитора И.О. Дунаевского. На клавише первого издания песни, рядом с ее названием и фамилиями авторов – композитора И. Жака и поэта Н. Верховского – был помещен лаконичный комментарий: «Из репертуара Центрального ансамбля Краснофлотской песни и пляски Военно-Морского Флота СССР. Посвящается П.И. Чекину».

Многих интересовала история «Бескозырки», поэтому я и занялся поиском материалов об ансамбле, в исполнении которого эта песня прозвучала впервые. Выяснилось, что создан он был осенью 1940 года в Ленинграде. Дунаевский вложил немало сил и энергии в подбор состава ансамбля, подготовку его программы. Называлась она «Вечера на баке», готовилась буквально накануне войны и стала, по существу, основой репертуара ансамбля в военные годы.

С июня 1942 года этот художественный коллектив возглавил композитор В.И. Мурадели.

В архиве Дунаевского сохранились некоторые материалы и документы, связанные с первыми шагами ансамбля, списки его участников. С некоторыми из них мне удалось встретиться:

– Довелось ли вам видеть, как поднимается и идет в атаку морская пехота? – начал с вопроса нашу беседу бессменный начальник ансамбля, полковник в отставке М. И. Вайнер. – А я это видел не раз: каски – в сторону, надевают бескозырки и – вперед! Бились отчаянно. Враг моряков наших, как огня, боялся, «черной смертью» пехоту нашу морскую называл. От одного только вида морских тельняшек и бескозырок его в дрожь бросало.

Слава о нашей морской пехоте по всей стране прошла. Вот и решили сложить об этом песню, которая поднимала бы дух людей, их настроение.

В то время в ансамбле работал концертмейстером Илья Жак. До того,

как попасть к нам, он сопровождал Клавдию Шульженко, написал для нее несколько превосходных песен – «Руки», «Эх, Андрюша!», «Петлицы голубые». Я пригласил его и заведующего литературной частью Никиту Верховского к себе.

– Давайте, – говорю им, – песню сделаем, в которой попытаемся перекинуть мостик от войны гражданской в нынешнюю, от матроса-большевика Николая Маркина, погибшего в восемнадцатом, балтийцев И. Сладкова, М. Мартынова и легендарного А. Железнякова, отдавших жизни свои за революцию, к героям сегодняшним – морякам Краснознаменной Балтики, принявшим от них эстафету подвигов.

Обещали подумать. А через несколько дней принесли «Бескозырку».

В наших кубриках с честью, в почете

Две заветные вещи лежат.

Это – спутники жизни на флоте –

Бескозырка да верный бушлат.

Если надо в атаку, ребята,

Если сердце горит, как в огне, –

К моему дорогому бушлату

Бескозырку подайте вы мне!

– Работали мы над этой песней долго и тщательно, – вспоминал первый исполнитель «Бескозырки», заслуженный артист Павел Иванович Чекин. – Много было переделок, поправок. Особенно в тексте.

Должен сказать, что в годы войны и после нее петь приходилось мне часто и много. И тогда, когда был в ансамбле, и потом, когда перешел из него в труппу Большого театра. Были песни, которые учил быстро и также быстро забывал. А вот «Бескозырка» – это на всю жизнь.

Впервые я исполнил ее на крейсере «Киров». Никогда не забуду, как с последним аккордом песни весь личный состав крейсера встал и, стоя, прослушал еще два раза. Прекрасная патриотическая песня. Песня эта стала боевым знаменем, поднимавших людей на борьбу с ненавистным и жестоким врагом.

Павел Иванович бережно сохранил ноты, подаренные ему авторами: «Будем помнить прошедшую ленинградскую зиму, когда мы вместе создавали нашу «Бескозырку». Верим, что в дальнейшем наше творческое содружество даст новые песни, чудесным исполнителем которых по-прежнему будете Вы.

И. Жак, Н. Верховский, г. Москва. Сентябрь. 1942 г.».

Родившись в первую блокадную ленинградскую зиму, «Бескозырка» вместе с ансамблем побывала на многих флотах и стала любимой песней не только моряков Балтики. Она звучала в концертных залах и матросских кубриках, ее пели артисты и люди, далекие от искусства. И всегда она находила широкую аудиторию, звучала как гимн морской дружбе и братству, верности матросской присяге.

Зимой 1941 года большая группа участников ансамбля Военно-Морского Флота СССР вместе с отличившимися в первых боях по

обороне Ленинграда моряками-балтийцами были награждены боевыми орденами и медалями.

Ю. Бирюков

Бескозырка

(музыка И. Жака, слова Н. Верховского)

Текст песни «Бескозырка»

*В наших кубриках с честью, в почете
Две заветные вещи лежат.*

*Это – спутники жизни на флоте –
Бескозырка да верный бушлат.*

*Если надо в атаку, ребята,
Если сердце горит, как в огне, –*

К моему дорогому бушлату

Бескозырку подайте вы мне!

*Припев: Бескозырка, ты подруга моя
боевая!*

*И в решительный час, и в решительный
день:*

Я тебя, лишь тебя надеваю,

Как носили герои, – чуть-чуть набекрень.

Если в море, на финском граните

За Отчизну погибну в борьбе, –

Бескозырку мою сохраните

И оставьте на память себе.

Только этого нет на примете –

В бескозырке и смерть не берет,

И победно на ленточке светит

Несравненное слово «Балтфлот»!

*Припев: Бескозырка, ты подруга моя
боевая!*

*И в решительный час, и в решительный
день:*

Я тебя, лишь тебя надеваю,

Как носили герои, – чуть-чуть набекрень.

В штормовую октябрьскую пору,

Застегнув поплотнее бушлат,

В бескозырках сходили с «Авроры»

Моряки в буревой Петроград.

До бровей бескозырку надвинув,

Бить без промаха белых вояк

Маркин шел, и Сладков, и Мартынов,

И матрос-партизан Железняк.

Припев:

«Я воевал на Мурманском направлении, в районе реки Западная Лица. Был разведчиком в знаменитой добровольческой Полярной дивизии.

Там же, на Севере, где-то служил, по-моему, и поэт Александр Жаров. Во всяком случае, я хорошо помню, что каждую субботу он вел радиопередачи для защитников Советского Заполярья. И вот что характерно: начинались всегда они песней с такими словами:

Бушует полярное море,

Волнуется флаг корабля.

За нами в широком, далеком просторе

Осталась родная земля...

Слова и мелодия этой песни всем нам пришлись по душе. Текст ее мы переписывали друг у друга. Она была известна всему Карельскому фронту.

Хотелось бы очень узнать, кто сочинил такие задушевные слова и музыку. Спросите у Александра Жарова: может быть, он помнит? Да что я вас учу. Вы лучше моего знаете, как поступить...

Воробьев В.З.»

Писем с упоминанием слов «Полярного вальса» (а именно он так крепко запомнился и полюбился бывшему солдату-разведчику с Карельского фронта) у меня очень много. Его любили и пели в годы войны не только на Севере.

А родилась и впервые прозвучала эта песня еще в довоенные годы. Вначале были написаны стихи. Поэт Джек Алтаузен посвятил их открытию Северного морского пути и назвал свое стихотворение «Полярной песней». В ту пору он активно и плодотворно работал в песенном жанре. Широко звучали такие его песни, как «Шумел Байкал», «Олеся», «Обойди тропу любую», музыку к которым написал К. Листов, З. Компанеец и другие композиторы.

«Полярная песня» тоже не осталась незамеченной. Музыка к этому стихотворению Алтаузена сочинил никому в ту пору неизвестный, молодой ленинградский композитор Евгений Жарковский. При этом он несколько видоизменил сами стихи (поскольку они не ложились на мелодию) и назвал свою песню «Полярным вальсом».

– Для меня навсегда останутся дорогими и приятными воспоминаниями годы общения и дружбы с этим замечательным поэтом и очень ярким человеком, – вспоминал об Алтаузене Евгений Эммануилович. – Что же касается самой этой песни, то она оказалась не только первой работой в этом жанре, но и провозвестницей моей службы на Северном флоте: когда в 1941 году началась война и я ушел добровольцем на фронт, Главное политуправление Военно-Морского Флота направило меня в город Полярное, на берег Кольского залива, «для прохождения службы». Так я оказался на самом северном фланге Великой Отечественной войны, стал участником и свидетелем славных боевых дел воинов-североморцев...

«Полярный вальс» долгое время служил своеобразной «визитной карточкой» композитора в годы службы и работы на Северном флоте. Песню пел флотский ансамбль, исполняли в концертах самодеятельности, напевали в минуты затишья во фронтовых землянках на Рыбачьем и Среднем, в корабельных рубках. Она звучала во время «Краснофлотского радиочаса» – передачи, которая так запомнилась ветерану-фронтовику.

С рассказом бывшего фронтовика я познакомил Александра Александровича Жарова и попросил его прокомментировать это письмо.

– Да, именно так все и было, – подтвердил поэт, знакомя меня с реликвиями и архивными материалами, которые бережно сохранял с далеких времен своей службы на флоте. – Джек Алтаузен, как известно, не был моряком и тем не менее написал такое прекрасное морское стихотворение. Должен заметить, что в ту пору, когда его с Жарковским «Полярный вальс» еженедельно звучал в эфире, открывая нашу передачу, посвященную боевым делам и подвигам североморцев и защитников Советского Заполярья, сам Алтаузен тоже воевал, но только на Юго-Западном фронте. И воевал самоотверженно, можно сказать геройски. Будучи фронтовым корреспондентом, он по многу раз ходил с бойцами в штыковые атаки. А потом рассказывал о них в своих очерках и стихах, публиковавшихся в

армейской и центральной печати.

Он был моим другом, и мы с ним переписывались в годы войны. Помню, как я обрадовался его сообщению о том, что он награжден боевым орденом Красного Знамени. Кстати сказать, это был первый орден, которым удостоен подвиг и труд писателя на Великой Отечественной. Потом таких наград удостаивались многие поэты и писатели. Но Джек Алтаузен оказался все-таки самым первым из них. А вскоре я узнал о его гибели...

Вот как описывает последний подвиг поэта в предисловии к сборнику его стихов, выпущенному издательством «Художественная литература», Евгений Долматовский:

«Двадцать пятого мая 1942 года Джек Алтаузен, участвуя в неудавшемся наступлении в районе Изюм – Барвенково – Лозовая, погиб. По свидетельству товарищей, вырвавшихся несколько позже из образовавшегося кольца, поэт был раздавлен фашистским танком.

Лишь один редакционный самолет «У-2» выскочил из этой мясорубки. Прилетел на нем мой товарищ, работник фронтовой газеты, которому редактор радиogramмой приказал срочно вернуться. Он рассказал, что Алтаузену было предложено место в этом последнем и единственном самолете. Джек ответил:

– Я в своей части. Мне надлежит разделить судьбу всех.

Так закончилась эта короткая и красивая жизнь поэта, очень крепко связанного со своим временем, в творчестве которого мы найдем драгоценные крупинки этого времени, а в судьбе его и гибели – свидетельство верности высоким идеалам Революции.

Вот почему мы не вправе забыть этого поэта».

Именно этим продиктованы и мои многолетние попытки возродить, напомнить довоенную песню Д. Алтаузена и Е. Жарковского, сослужившую добрую службу в годы Великой Отечественной войны, но потом незаслуженно забытую, песню, мелодические и ритмические контуры которой столь явно и ощутимо проглядывают в другой, значительно позже написанной тем же Жарковским песне – «Прощайте, скалистые горы», с более удачливой и счастливой судьбой.

Ю. Бирюков

Полярный вальс

(музыка Е. Жарковского, слова Д. Алтаузена)

Прослушать песню можно на сайте www.sovmusic.ru

ноты песни на сайте www.notarhiv.ru (нотный архив России)

Текст песни «Полярный вальс»

*Бушует полярное море,
Вздымается борт корабля;
За нами в широком, далеком просторе
Осталась Большая земля.
Погода кипит штормовая...
Подруга моя – не забудь –*

*Давайте споем на просторе,
Где ветер бушует вокруг,
Про счастье большое, такое, как море,
Про наших любимых подруг.
Пусть сердце стучит, замирая...
Подруга моя – не забудь –*

*Глаза поутру после сна открывая,
На карте отметит мой путь.*

*Глаза поутру после сна открывая,
На карте отметит мой путь.*

*Весной ты меня провожала,
Дарила улыбку свою.
И песню весны для тебя у штурвала
Я в северном море пою:
А тучи от края до края...
Подруга моя – не забудь –
Глаза поутру после сна открывая,
На карте отметит мой путь.*

«Мы группа краснофлотцев, прослушали недавно концерт бригады артистов Дома Военно-Морского Флота. На этом концерте артист Михаил Николаев исполнил песню «Это в бой идут матросы». Песня понравилась. Мы хотим разучить ее и поэтому просим вашу газету «Краснофлотец» напечатать песню вместе с нотами.

По поручению группы бойцов, краснофлотец В. Козлов».

Письмо это было опубликовано газетой Северного флота «Краснофлотец» в номере за 12 марта 1943 года.

Газета оперативно откликнулась тогда на просьбу краснофлотца Козлова и его боевых товарищей, поместив рядом с их письмом клавишную запись песни композитора Бориса Терентьева на слова поэта Николая Флерова. Отыскав эту песню в пожелтевшей от времени флотской газете, я загорелся желанием встретиться с ее авторами, расспросить их о том времени, в какое песня создавалась, и об истории ее рождения.

Было это в дни празднования 50-летия Краснознаменного Северного флота, которое отмечалось в июле 1983 года. Первым, с кем я беседовал, был поэт-североморец Н.Г. Флеров. С волнением припомнил он многие подробности своей работы и службы на Севере в годы войны.

– Я был в ту пору военным корреспондентом флотской газеты, участвовал во многих боевых операциях и, конечно, сочинял стихи.

В 1942 году мною написана поэма о герое-подводнике Северного флота Василии Громе. Написал я ее как-то быстро, и время показало, что настоящие произведения так быстро не создаются: не успел я еще как следует флот узнать, понюхать, как говорится, пороху. Однако произведение это напечатал наш литературный альманах «Слава бесстрашным» потому, наверное, что тема была актуальной.

Вот там-то мою поэму и прочитал композитор Борис Терентьев, служивший у нас на Северном флоте с первых дней войны вместе с Евгением Жарковским. Из тысячи поэтических строчек он отобрал те двадцать с небольшим, которые и стали потом песней «Это в бой идут матросы». Песня эта не только у нас, на Северном, но и на других флотах стала популярной. Ее пели и как боевую, и как строевую. И что же в результате произошло? А то, что от поэмы моей ничего не осталось. Никто ее нынче не помнит. А вот

песня и сегодня живет в репертуаре флотских коллективов. Я в этом сам не однажды убеждался и очень этому радовался, бывая на флотах и выступая перед сегодняшними моряками. Выходит, угадали мы с Терентьевым то, что греет и волнует морскую душу...

Народный артист РСФСР Борис Михайлович Терентьев, вспоминая об истории создания этой песни, будто вновь вернулся в свою боевую молодость:

– Вы спрашиваете, как возник замысел написать такую песню? Для этого существовала очень важная причина. Дело в том, что у нас на Северном флоте был тогда как раз такой период, когда моряки с кораблей шли на сушу и там давали «огонька» фашистам. Не зря наших морских пехотинцев в черных бушлатах и полосатых тельняшках враг прозвал «черными дьяволами».

Вот мне и хотелось написать такую песню, которая символизировала бы героизм моряков. И стихи Николая Флерова оказались как нельзя кстати.

Очень большую роль в судьбе этой песни сыграл и ее первый исполнитель – Михаил Николаев. Он выезжал вместе с небольшой артистической бригадой Дома флота на самые опасные участки фронта, встречался с моряками и летчиками, никогда не боялся моря, хотя в тех краях оно суровое. Он помог широко прозвучать этой песне.

А вскоре вместе с авторами песни «Это в бой идут матросы» я побывал на торжественном вечере, посвященном 50-летию Краснознаменного Северного флота в Центральном Доме работников искусств. Был на этой встрече ветеранов-североморцев и Михаил Игнатьевич Николаев. Когда его попросили спеть песню «Это в бой идут матросы», он исполнил ее в сопровождении автора музыки ничуть не хуже, чем сорок лет назад, в том концерте, отзвук которого донесла до наших дней пожелтевшая флотская газета.

Ю. Бирюков

Это в бой идут матросы

(музыка Б. Терентьева, слова Н. Флерова)

Прослушать песню можно на сайте www.sovmusic.ru

Текст песни «Это в бой идут матросы»

Ходят ветры, ходят вьюги

С океана в океан,

Ходят с севера и с юга

Дождь, метели и туман.

На ветру не остывая,

От фронтов и до фронтов

Ходит слава боевая

О героизме моряков.

Припев: Это в бой идут матросы,

Это в бой идут моря.

Но бывает, покидает

Корабли свои моряк.

Это значит, ожидает

Моряка на суше враг.

А когда бои вскипают

И тебе сам черт не брат,

В жаркой схватке возникают

Бескозырка и бушлат.

И опять в руке граната,

И глаза огнем горят.

Ты – балтиец из Кронштадта,

Из полярного моряк.

Припев: Это в бой идут матросы,

Это в бой идут моря.

*Ничего, что сердцу тяжело,
 Что не флотская шинель,
 На груди твоей – тельняшка,
 Темно-синяя фланель.
 Припев: Это в бой идут матросы,
 Это в бой идут моря.*

Любаша, милая Любаша,
 С победой я вернусь домой,
 Эх, Любашенька, Любаша,
 Тогда мы встретимся с тобой!

Прошла «Любаша» с нами через всю войну. Жаль, что потом ни разу слышать ее не довелось. Затерялась хорошая, добрая песня.

Песню с таким припевом, в котором речь шла о моряке-балтийце, защищавшим Ленинград, и его любимой девушке Любаше, распевали в годы войны на Ленинградском, Волховском фронтах и, конечно же, на Балтике. Много лет нам шли письма от фронтовиков, в которых приводились ее слова. Некоторые из них по нашей просьбе напели нехитрый мотив «Любаши» на магнитофонную ленту. Удалось полностью восстановить слова и музыку песни. Только вот вопрос о ее авторах оставался открытым. Поиски в архивах ленинградского радио, газетах частей, соединений и фронтов, оборонявших легендарный город-герой, ни к чему не привели. И тогда я решил обратиться за помощью к телезрителям, включив в передачу фрагмент магнитофонной записи «Любаши».

Писем-откликов пришло немало. Выяснилось, что искать авторов песни надо было не на севере, а на юге: родилась «Любаша» и впервые была исполнена на Черноморском флоте, а точнее – во время выступлений перед моряками-черноморцами джаз-ансамбля Северо-Кавказского фронта под управлением композитора И. Стельмана.

Вот что говорилось в заметке из газеты этого фронта «Красное знамя» от 18 августа 1943 года:

«Концерт прошел с большим успехом. Были исполнены «Русская рапсодия», несколько боевых песен. Среди них – «Любаша», посвященная героической обороне Ленинграда, «Любимый Ростов-на-Дону», «Боевая кубанская», «Отец». Музыка для этих песен написана Иосифом Стельманом».

Упоминание об этой песне и огромном успехе, которым она пользовалась у слушателей в годы войны, встретилось мне и в газете «Бакинский рабочий» за 2 апреля 1943 года, когда велись поиски материалов о работе джаз-ансамбля Северо-Кавказского фронта.

А вскоре пришло письмо от ведущего ансамбля, Николая Михайловича Синева. Он тепло отзывался о рано ушедшем из жизни талантливом ростовском композиторе и дирижере И. Стельмане, с волнением вспоминал время, когда работал в его коллективе. Этому посвящено немало страниц и в книге воспоминаний Н. Синева «На эстраде и за кулисами», изданной в 1969 году в Киеве. Есть там, кстати говоря, упоминание и о песне «Любаша». Из него-то я наконец и узнал, кому же принадлежат ее слова.

«Однажды» после концерта в Пятигорском театре, – рассказывал Синева, – ко мне подошел молодой офицер и, отрекомендовавшись как композитор Иосиф Стельман, пригласил прослушать концерт руководимого им эстрадного оркестра. Создан был этот коллектив из призванных на военную службу музыкантов одного из лучших советских джазов – Ленинградского джаз-оркестра под руководством Якова Скоморовского. На меня их выступление произвело чудесное впечатление, и я принял приглашение молодого композитора поработать в оркестре в качестве концертмейстера...

Мы работали над новой программой все лето 1942 года. Для помощи по части драматургии к нам прикрепили эвакуированного из Москвы старейшего журналиста-сатирика М.К. Грамена (Иванова), который работал в газете «Красный кавалерист» и в ежемесячном сатирическом журнале «Перекрестный огонь». Кроме Грамена для создания репертуара Стельман пригласил юного краснодарского поэта Николая Доризо.

Написанная Стельманом и Доризо песенка «Любаша» прочно вошла в наш репертуар. Впоследствии я часто слушал эту песню в частях 2-го Белорусского фронта».

Откликнулся и брат композитора – москвич Ефим Максимович Стельман. Оказалось, что он слушал нашу передачу и готов был предоставить в наше распоряжение материалы из имеющегося у него архива брата. Так в мои руки попали: папка с нотными рукописями композитора и публикациями о его творчестве, альбом «Джаз Зафронта под художественным руководством Иосифа Стельмана 1942 – 1943 гг.» и в нем – фотографии, аккуратно наклеенные заметки о концертах джаз-оркестра, программки и т.д.

Были среди этих материалов и ноты песни «Любаша».

Об итогах своих поисков я сообщил автору слов «Любаши» – известному поэту Николаю Константиновичу Доризо, многие песни которого, такие, к примеру, как «У нас в общежитии свадьба», «Огней так много золотых», «Помнишь мама», «Давно не бывал я в Донбассе», «Красавица Прага» и другие, по праву вошли в нашу песенную антологию.

– Мне, пожалуй, и впрямь придется коренным образом пересмотреть свое отношение к первым моим песенным опытам, – заметил Николай Константинович. – Я все чаще задумываюсь над вопросом: чем брали за душу людей эти стихи? Почему живут они столько лет в памяти тех, кто пережил войну?

Видимо, со мной согласятся люди, прошедшие войну или зацепившие ее, что песни тех лет шли из глубины души каждого, кто их сочинял, придумывал, переделывал на свой лад и передавал от одного другому. Никогда так песня не волновала, как во время войны.

Что касается «Любаши», то слова ее написаны мной на уже готовую музыку. Иосиф Максимович проиграл мне ее в перерыве одной репетиции. Тут же были и музыканты ансамбля. Большинство из них, как известно, были ленинградцами. Война застала их в гастрольной поездке по Кавказу, где они и были мобилизованы в армию. Сами понимаете, чем были для них всех Ленинград, мужество и героизм его защитников. Потому сразу же, как только

прозвучала мелодия будущей песни, все они в один голос заявили, что это должна быть песня о Ленинграде. Слова родились очень легко. К ним оказались все причастны.

Принимали песню горячо, где бы мы ее не исполняли, и я счастлив, конечно, что помнят «Любашу» и сегодня.

Ю. Бирюков

Любаша

(музыка И. Стельмана, слова Н. Доризо)

Текст песни «Любаша»

В синем море

На линкоре,

В каком бы ни был я краю,

И в походах,

В дальних водах

Улыбку вспомню твою,

Синий взгляд,

Летний сад,

И любимый Ленинград.

Припев: Любаша! Милая Любаша!

С победой я вернусь домой.

Эх, Любашенька, Любаша!

*Тогда мы снова встретимся с
тобой!*

Вражья свора

Шла на город,

Хотела нас измором взять,

Но балтийцы

За столицу

Сумели грудью постоять.

И в боях

Злобный враг

Был рассеян нами в прах.

Припев: Любаша! Милая Любаша!

С победой я вернусь домой.

Эх, Любашенька, Любаша!

*Тогда мы снова встретимся с
тобой!*

Под Кронштадтом

Мы с гранатой

Творили славные дела.

И в сраженья,

В наступленья

твоя любовь со мною шла.

Шел со мной

В грозный бой

Поцелуй прощальный твой.

Припев: Любаша! Милая Любаша!

С победой я вернусь домой.

Эх, Любашенька, Любаша!

*Тогда мы снова встретимся с
тобой!*

«В 1943 году к нам на Соловки, в школу юнг Северного флота, приезжала бригада артистов. Солисткой у них была Евгения Соснова. Она спела нам песню про синеглазую морячку, из которой до сих пор мне помнятся такие слова:

По-над морем бродит вьюга,

Застилает горизонт.

За дружкой ушла подруга

Санитаркою на фронт.

Потом я не раз слышал выступления этой певицы, в том числе когда служил на гвардейском эсминце «Гремящий». Мы, моряки, очень любили ее и меж собой так и прозвали «морячкой».

Хотелось бы узнать, как сложилась судьба этой песни и первой ее исполнительницы?

Юданов К.М.

г. Северодвинск Архангельской области».

В годы войны молодой поэт-североморец Николай Флеров прочитал в газете о том, что на юге, в одном отряде морской пехоты воюют муж и жена: он – моряк, она – медсестра.

– Очерк или заметка об этом были опубликованы, кажется, в «Красном Флоте», точно не помню, – рассказал Николай Григорьевич. – Тема заинтересовала меня. Я написал стихи и показал их моему однополчанину, композитору Евгению Жарковскому. С ним, а также с другими композиторами – Борисом Терентьевым, Александром Рязановым, Борисом Боголеповым, с приезжавшими к нам на флот братьями Покрасс, Юрием Слоновым, Вадимом Кочетовым – судьба свела меня в военные годы на Северном флоте. Как видите, у нас была солидная творческая семья.

– В местах, где нам довелось в ту пору служить, – продолжил рассказ своего соавтора по песне «Синеглазая морячка» композитор Евгений Эммануилович Жарковский, – не слишком часто можно было встретить представительниц прекрасного пола. Известно ведь, что на военных кораблях женщины не служат. Но «сухопутные морячки» – разведчицы, связистки, медицинские сестры – делали свое скромное, незаметное и весте с тем такое нужное, важное и необходимое дело.

Мне особенно заполнилась озорная и смелая медсестра из десантного североморского отряда Нина Буракова. Сколько подвигов совершила эта маленькая и мужественная женщина, сколько жизней спасла она! Такие фронтовые сюжеты сами просились в песню. Вот так и появилась наша «Синеглазая морячка».

Первой исполнительницей стала артистка театра Северного флота Евгения Соснова.

А совсем недавно мы с Николаем Григорьевичем встретили Евгению Петровну на вечере, посвященном 50-летию Краснознаменного Северного флота, в Центральном Доме работников искусств.

– Здравствуйте, – говорим, – морячка! Узнаешь нас?

– Здравствуйте, – отвечает, – как же не узнать!

И припомнили мы с ней и эту песню, и фронтовые наши концерты...

Не раз приходилось нам видеть фрагмент фронтовой кинохроники: на фоне северного пейзажа, в сопровождении небольшого флотского джаз-оркестра поет симпатичная светловолосая девушка. Поет куплет песни «Морячка» композитора Л. Бакалова и поэта М. Исаковского:

Уезжал моряк из дому,

Стал со мною говорить:

– Разрешите вам на память

Свое сердце подарить...

Но мало кому известно, что исполнительницей этой и многих других

песен, в том числе «Синеглазой морячки», была Евгения Петровна Исаева (Соснова). Ее выступление перед моряками на полуострове Рыбачьем было снято фронтовыми кинооператорами М. Ошурковым и Б. Маневичем для хроникального фильма «69-я параллель», рассказывавшего о боевых буднях воинов-североморцев.

Вот что вспоминает об этом времени и о песне сама Евгения Петровна:

– Для нас, тогда совсем юных артистов, вчерашних студентов московских театральных вузов, работа на Северном флоте в годы Великой Отечественной войны была действительно службой: настолько тесно соприкасалась наша творческая жизнь с суровыми буднями моряков, летчиков, пехотинцев – всех защитников Советского Заполярья. Разве можно забыть этот край: свинцовое, беспокойное Баренцево море с его гранитными берегами, снежные заряды, полярные ночи! Концерты давались на самых отдаленных островках, где о машинах и речи не было: от землянки к землянке зенитчиков или морских пехотинцев – только пешком, по первозданному хаосу валунов. Пели мы на кораблях, на аэродромах у летчиков, которые сидели в своих самолетах, готовые в любую минуту улететь по команде.

Сколько раз мы встречались с опасностью на Баренцевом море!

Помню, как-то едем на катере-охотнике в Иоканьгу. Море бурное. Ночь. Слышим команду: «Внимание! Входим в минное поле...». Выскакиваем на палубу, надеваем спальные пояса. Пурга сбивает с ног, на волнах тральщик мотает невероятно. К берегу не пристанешь – особого пирса нет. На лодках нас переправляют на землю...

За три с половиной года такой жизни можно стать смелой. Но не в этом главное. Главное – это воспитанное в нас чувство долга. В любых условиях мы выступали перед моряками, несли им свое творчество.

А выступление с «Синеглазой морячкой» в школе юнг на Соловецких островах мне самой очень запомнилось. Утром, на другой день после концерта, я вышла к озеру умыться, а из окон кричат юнги: «Эй, морячка, с добрым утром!» И принесли мне рыбы...

Так ко мне и пристало это звание «морячка».

Актриса бережно хранит в своем архиве дневники, программы концертов и фотоснимки военных лет. На одном из них она снята во время концерта на палубе большого корабля. А вокруг – внимательные глаза, мужественные, вдохновенные лица моряков, слушающих ее выступление.

В одной шеренге с ними стояла она, когда вручали ей вместе с подводниками боевой орден Красной Звезды. Принимая из рук командующего Северным флотом эту высокую и заслуженную награду Родины, взволнованно, как и они, Евгения Петровна ответила: «Служу Советскому Союзу!».

Песня «Синеглазая морячка» была записана в годы войны на грампластинку в исполнении Эдит Леонидовны и Леонида Осиповича Утесовых и включена ими в одну из концертных военных программ.

Ю. Бирюков

Синеглазая морячка

(музыка Е. Жарковского, слова Н. Флерова)

Прослушать песню на сайте www.sovmusic.ru в исполнении Эдит и Леонида Утесовых (запись 1943 г.)

Текст песни «Синеглазая морячка»

<i>Не страшна на море качка, Но разлука нелегка: Синеглазая морячка Провожает моряка. Только волны, только горы, Слышат тихое – «Прощай!» Нынче друг уходит в море Защищать родимый край... Припев: Моря далекие, Пути широкие, Дорога ратная зовет. В горячем сердце друга Всегда живет подруга, И с ней повсюду вместе Моряк идет.</i>	<i>И они шагают рядом В грозах яростных атак С боевым морским отрядом И морячка, и моряк. Разметал попутный ветер Слово горькое – «Прощай», И бойцы идут к победе За родной советский край! Припев: Моря далекие, Пути широкие, Дорога ратная зовет. В горячем сердце друга Всегда живет подруга, И с ней повсюду вместе Моряк идет.</i>
--	--

*По-над морем бродит вьюга,
Застилает горизонт.
За дружском ушла подруга
Санитаркою на фронт.
Не ждала, но все мечтала,
Пели ей о том ветра...
И родного повстречала
Синеглазая сестра.
Припев: Моря далекие,
Пути широкие,
Дорога ратная зовет.
В горячем сердце друга
Всегда живет подруга,
И с ней повсюду вместе
Моряк идет.*

Песня «Море балтийское», которую написал Арам Хачатурян, посвящена балтийцам. Вот что он рассказывает о ее создании:

– Когда началась война, в Союзе композиторов образовался своеобразный «штаб песни». Буквально с первых же дней поэты стали приносить нам стихи на военную тематику, а композиторы писали на эти тексты музыку. Комиссия, которую в то время возглавлял я, отбирала наиболее удачные сочинения и передавала их во фронтовые ансамбли. Таким образом, песни сразу же вступали в строй и начинали действовать, как говорится, в нужном направлении.

Среди литераторов, активно работавших с нами, был Ярослав Родионов, талантливый поэт и очень своеобразный, интересный человек. Он страстно любил море и не раз предлагал мне написать с ним морскую песню. Но

осуществить замысел все как-то не удавалось.

Видимо, песни о море Хачатурян так бы и не написал, если бы не В.И. Немирович-Данченко. Дело в том, что прославленный режиссер и один из основателей Московского художественного академического театра в то время работал над постановкой пьесы Н. Погодина «Кремлевские куранты». По его замыслу матрос Рыбаков в ходе спектакля должен был петь песню о Балтийском море. И такую песню театр попросил сочинить А. Хачатуряна. Композитор обратился к Родионову. Поэт написал стихи:

Море Балтийское,
Волны могучие...
Нес на полубаке службу
Молодой матрос...

Вскоре он ушел на Северный флот и погиб в бою... Роль Рыбакова в спектакле играл замечательный мастер сцены Борис Ливанов. Ему – драматическому артисту – суждено было стать первым исполнителем песни. Пел он, по свидетельству композитора, очень хорошо.

Впервые «Кремлевские куранты» были показаны в Саратове, а уж затем в Москве. Премьера спектакля в столице состоялась в ноябре 1942 года.

И вот что интересно. «Море Балтийское» – песня, написанная для спектакля о первых шагах советского государства, – звучала как сегодняшняя, как песня о балтийцах, сражавшихся с фашистскими захватчиками. Это, наверное, причина ее успеха у зрителей, которые в ту пору в основном состояли из военных.

Вскоре песня зазвучала по радио, ее включили в свой репертуар многие ансамбли и известные исполнители.

– Мне особенно приятно вспомнить, – говорит Герой Социалистического труда, лауреат Ленинской премии, народный артист СССР А.И. Хачатурян, – что песня понравилась выдающемуся советскому певцу, солисту Большого театра Александру Михайловичу Пирогову. В его исполнении она записана на пластинку.

Море Балтийское

(слова Я. Родионова, музыка А. Хачатуряна)

Текст песни «Море Балтийское»

*Море Балтийское, волны могучие...
Нес на полубаке службу молодой матрос.
На броню стальную он фуражку обронил.
Ты, корабль родной, «Аврора»,
Путь держи зюйд-ост.
Вдали по курсу виден город,
Огоньки у самых звезд.
Встречусь там с моей хорошей,
Песню пропою.*

*Он призадумался, он закручинился,
На броню стальную он фуражку обронил.
Ты, корабль родной, «Аврора»,
Путь держи зюйд-ост.
Люблю балтийские просторы
Я сильнее, чем жизнь свою.
Море Балтийское, волны могучие...
Нес на полубаке службу молодой матрос.*

Много славных дел свершили в дни Великой Отечественной войны моряки эсминца «Гремящий», сражавшиеся с врагом в трудных условиях

Заполярья. Более тысячи наших и союзных транспортов доставляли свои грузы в северные порты под надежной охраной этого корабля. На боевом счету эскадренного миноносца – одна потопленная и две поврежденные подводные лодки противника. Сотни смертоносных мин поставил он во вражеских водах. Артиллеристы «Гремящего» поддерживали огнем десанты Северного флота, нанося мощные удары, отражали атаки вражеской авиации. Эсминец редко можно было увидеть у причала, почти всегда он был в трудных и долгих походах. В общей сложности за годы войны «Гремящий» прошел в боях и штормах 60 тысяч миль.

Не случайно этот корабль первым из эсминцев Северного флота заслужил высокое звание гвардейского. За отвагу в боях, стойкость и мужество, за беспримерный героизм многие моряки экипажа были удостоены высоких правительственных наград.

О «Гремящем» написаны книги, о нем слагали стихи. Есть у него и своя песня.

...Это было весной 1943 года, вскоре после того, как эсминцу было присвоено гвардейское звание. Многие моряки корабля давно уже мечтали о своей песне, а когда они стали гвардейцами, об этом заговорили все.

И вскоре песня родилась. Вернее – не песня, а пока только стихи. Их сочинил штурман эсминца капитан-лейтенант Емельян Иващенко. Отважный офицер, опытный моряк, еще до войны награжденный орденом «Знак Почета», он нередко выступал со стихами во флотской газете.

И вот штурман читает морякам только написанные стихи:

Пусть море нас ветром встречает,
«Гремящий» не сбавит свой ход,
И стаи стремительных чаек
Проводят гвардейцев в поход.

Текст песни одобрили единодушно и вскоре все его знали назубок. Но как быть с музыкой? Матросы пошли к композитору Евгению Жарковскому, который с первых дней войны служил на Северном флоте.

– Гвардейцы хотят иметь свою песню! Вот стихи, дело только за музыкой.

– Желание было законным, – вспоминает композитор, – инициатива правильной, песню писать было надо. Но у войны свои законы: корабль уходил в поход, и я отправился вместе с моряками.

Море штормило, «Гремящий» крепко покачивало, но увлеченный работой композитор не замечал этого. Постепенно мелодия стала складываться. И когда Жарковский запел ее, он услышал, что ему подпевает матрос Михаил Мелихов, зашедший в кают-компанию после вахты.

– Много раз и до и после этого дня, – продолжает композитор, – слышал я свои песни и в хорошем и в плохом исполнении, но никогда не было у меня такого чувства, как тогда, за раскачивающимся пианино, в тесной кают-компании боевого корабля. В первом исполнителе только что рожденной песни мне слышались напряженное волнение соавтора, заинтересованность в счастливой судьбе песни, слившейся с судьбой самого

корабля.

Судьба у песни действительно сложилась примечательная. Ее очень полюбили моряки «Гремящего». Все концерты художественной самодеятельности – а такие концерты устраивались после каждого боевого похода – начинались и завершались песней о родном эсминце. Эту песню знали и на других кораблях флота.

С тех пор минуло много лет. Корабль-ветеран списали. Его гвардейский Флаг был вручен одному из новых кораблей Северного флота. И не только гвардейское Знамя, но и песня перешла к наследникам боевой славы легендарного «Гремящего».

Североморцы попросили Жарковского помочь им «осовременить» текст, чтобы ее можно было петь и в наши дни. Эту просьбу композитор вместе с поэтом Эрнстом Михайловым выполнил. И сейчас новый вариант «Песни о «Гремящем» взят на вооружение молодым поколением моряков.

Мы славой былою гордимся,
Добытою в громе боев,
И в силу матросских традиций
Стократно умножим ее.

А.Е. Луковников

Песня о «Гремящем»

(слова Е. Иващенко, музыка Е. Жарковского)

Текст Песни о «Гремящем»

*Пусть в море нас ветер встречает,
"Гремящий" не сбавит свой ход,
И стаи стремительных чаек
Проводят гвардейцев в поход.
Нам штурман все курсы проложит,
На мостике наш командир;
За счастье, которое жизни дороже,
Не раз он в бои нас водил.*

*Припев: Моя подруга, не скучай,
С тобою встретимся мы вскоре.
Мы в бой идет за вольный край,
За наше Баренцево море!*

*Фашисты попрятались в норы,
Над ними бушует пурга,
Но залпы лихих комендоров
Повсюду отыщут врага.
Нас в яростный бой призывают
Страданья безмерные вдов,
И пыльные камни горящих развалин,
И пепел родных городов.*

*Припев: Моя подруга, не скучай,
С тобою встретимся мы вскоре.
Мы в бой идет за вольный край,
За наше Баренцево море!*

*Тревожны морские глубины,
И ветры над морем парят;
Пусть дремлют коварные мины, –
"Гремящий" не знает преград.
Все тише вдали крики чаек,
Все громче винта оборот...
Скрывается берег, и ветер крепчает, –
"Гремящий" уходит в поход.*

*Припев: Моя подруга, не скучай,
С тобою встретимся мы вскоре.
Мы в бой идет за вольный край,
За наше Баренцево море!*

Вряд ли можно было найти на войне человека, который был бы не равнодушен к песне. Но, пожалуй, нигде так не любили песню, как на флоте. Это повелось издавна. Ведь моряки надолго уходят в плавание, песня всегда вместе с ними во всех трудных морских походах. Она помогает им нести флотскую службу.

Над волнами

Вместе с нами

Птица-песня держит путь.

Эти строки принадлежат Василию Ивановичу Лебедеву-Кумачу, поэту, который тесно связан с моряками, служил в годы Великой Отечественной войны в Военно-Морском Флоте, отдал ему много сил и таланта. Не случайно в одном из многочисленных писем, которые получал поэт, моряки писали, что он «несет боевую вахту вместе с краснофлотцами и командирами. Песни и стихи поэта-бойца зовут вперед бесстрашных советских моряков».

Вперед, на смертельную схватку с врагом звала песня «О чем ты тоскуешь, товарищ моряк?». Она пользовалась очень большой популярностью на флоте и так же, как «Заветный камень» Б. Мокроусова, стала одной из любимых песен советских моряков.

Музыку на стихи Лебедева-Кумача написал композитор Василий Соловьев-Седой. Вот что он рассказывает об этом:

– В 1943 году я узнал, что Виктор Гусев написал пьесу «Москвичка» и что в ней есть песня. Творчество этого поэта было очень близким по духу. Раздобыв текст песни из новой пьесы, я написал к ней музыку. Но, к моему огорчению, оказалось, что Гусев уже договорился об этой песне с моим московским коллегой композитором Юрием Милютиним.

Вскоре после этого в политуправлении Военно-Морского Флота я встретился с В.И. Лебедевым-Кумачом. «У меня для вас есть песня, – сказал он, – посмотрите». Я прочитал текст, который начинается словами:

О чем ты тоскуешь, товарищ моряк?

Гармонь твоя стонет и плачет,

И ленты повисли, как траурный флаг...

Скажи нам, что все это значит?

– Перечитав текст песни еще раз, – продолжает В. Соловьев-Седой, – я поразился: он удивительно точно ложился на музыку, которую я написал на слова Гусева. Более того, стихи Лебедева-Кумача были проникнуты тем же настроением, написаны в том же характере.

Я сел за рояль и тут же сыграл песню. Можете себе представить изумление Лебедева-Кумача и всех присутствующих!

Вдоволь насладившись произведенным эффектом, композитор объяснил «секрет» столь молниеносного сочинения музыки. Случай, конечно, редчайший. Ведь слова и мелодия песни «О чем ты тоскуешь, товарищ моряк?» как бы созданы друг для друга, они слиты воедино.

Первым исполнителем этой замечательной мужественной песни, чем-то близкой к старинной матросской песни «Раскинулось море широко», был Л.О. Утесов.

В одной из своих статей Василий Иванович Лебедев-Кумач писал: «Песня, которую поют миллионы, – это лучшая награда для поэта».

О чем ты тоскуешь товарищ моряк?

(слова В. Лебедева-Кумача, музыка В. Соловьева-Седого)

Текст песни «О чем ты тоскуешь товарищ моряк?»

*О чем ты тоскуешь, товарищ моряк?
Гармонь твоя стонет и плачет,
И ленты повисли, как траурный флаг...
Скажи нам, что все это значит?*

*Ее увели на позор и на стыд,
Скрутили ей нежные руки...
Отец ее ранен, братишка убит –
Так мне написали подруги.*

*Не ты ли, моряк, в рукопашном бою
С врагами сражался героически?
Так что же встревожило душу твою?
Скажи нам, товарищ, по-свойски.*

*Я их потерял; и во мраке ночей,
Лишь только глаза закрываю,
Любовь мою вижу в руках палачей
И в кровь свои губы кусаю.*

*– Друзья, свое горе я вам расскажу,
От вас я скрываться не стану.
Незримую рану я в сердце ношу,
Кровавую, жгучую рану.*

*И нет мне покоя ни ночью, ни днем,
От ярости я задыхаюсь.
И только в атаке, в бою, под огнем
Я мстью своей упиваюсь.*

*Есть муки, которые смерти страшней,
Они мне на долю достались –
Нам гордой и светлой любовью моей
немецкие псы надругались.*

*С хозяином вместе тоскует гармонь.
Рыдает и стонет трехрядка...
– Скорей бы услышать команду «Огонь!»
И броситься в смертную схватку!*

Рекомендуется прослушивание песни в исполнении Леонида Утесова.

Летом 1943 года композитор Борис Мокроусов проездом был в Москве. На одной из улиц он остановился у витрины, где была вывешена газета «Красный флот». Его внимание привлек броский заголовок: «севастопольский камень».

С Севастополем композитора связывало многое. В первые же дни войны он был направлен сюда в распоряжение политуправления Черноморского флота. Здесь сблизился с моряками, будущими участниками обороны морской крепости, полюбил суровую романтику Черного моря. Еще тогда Мокроусов и поэт Александр Жаров задумали написать песню о черноморских моряках. Но военная судьба разлучила авторов, им тогда не удалось осуществить свой замысел.

И вот сейчас, спустя два года, газетный заголовок вновь напомнил композитору о его мечте. О чем рассказывала газета?

...Последние часы героической обороны Севастополя. Фашистская артиллерия ведет ураганный огонь по полуразрушенному городу. Один из вражеских снарядов ударил в набережную близ памятника «Погибшим кораблям» и отбил от гранитного парапета небольшой осколок.

Этот кусок серого гранита подобрал неизвестный моряк, один из тех, кто, сдерживая бешенный натиск гитлеровцев, бился против десяти, против ста. Уходя из Севастополя, он поклялся вернуться сюда и положить камень на

место.

Но моряку не суждено было это сделать – его сразила фашистская пуля. Умирая, он передал осколок своим боевым друзьям с наказом:

– Камень должен вернуться на свое место – в Севастополь!

Воин, принявший драгоценную реликвию, – это был снайпер – погиб в засаде, успев передать севастопольский камень своему другу – разведчику. От него камень к связисту, затем побывал у артиллеристов, пулеметчиков, летчиков...И у кого бы он ни был, он всегда был в крепких, надежных руках воинов, поклявшихся выполнить завет неизвестного матроса – вернуть гранитный осколок на родную землю...

Легенда о севастопольском камне, рассказанная в газете писателем Леонидом Соловьевым, произвела огромное впечатление на композитора.

«Образ последних легендарных защитников Севастополя, – вспоминал он впоследствии, – стал преследовать меня давно и ночью. Кто же этот последний матрос-герой? Кто же они, эти последние моряки, гибнувшие в неравной борьбе и несущие в своих тельняшках священный гранит крымской земли?».

Да, их подвиг достоин песни! И композитор принялся за работу. Постепенно рождалась поэтическая и полная истинного драматизма мелодия песни, которой суждено было стать одной из лучших песен Великой Отечественной войны. Именно мелодия, ибо слов еще не было – случай сравнительно редкий в композиторской практике.

Когда музыка была готова, текст написал Александр Жаров. Вот что рассказывает об этом поэт:

– После того как Мокроусов показал мне музыку, стихи я написал почти залпом, так как был подготовлен к этому еще в те дни, когда мы оба были в Севастополе. Там в частях и на кораблях встречал я своих ровесников – представителей новой поросли комсомола, воинов-героев, о которых писал в песнях.

Легенда о севастопольском камне не была легендой в обычном понимании этого слова. Многие матросы, покидая по приказу командования священную землю Севастополя, брали с собой горстку земли или кусочек гранита и клялись вернуть их обратно, возвратиться в город с победой.

Закончив песню, мы показали ее в редакции газеты «Красная звезда», где она и была напечатана. Вскоре ее передали по радио. Но, к сожалению, она не прозвучала так, как этого нам хотелось. Настоящий успех пришел после того, как ее исполнил Леонид Утесов. Именно он – на эстраде и по радио – сумел по-настоящему донести ее до слушателя.

– Когда я услышал «заветный камень», – рассказывает народный артист СССР Л.О. Утесов, – меня песня необычайно взволновала. Взволновала потому, что это рассказ о судьбе человека, о мужестве наших моряков, о вере в победу, о любви к Родине. Она как бы предсказывала грядущую победу. И как радостно было петь, когда Севастополь был освобожден, другие слова, в которых будущее время было заменено настоящим:

Сквозь бури и штормы прошел этот камень,
И стал он на место достойно.
Знакомая чайка взмахнула крылами,
И сердце забилося спокойно.
Взошел на утес черноморский матрос,
Кто Родине новую славу принес.

В 1946 году композитор Б.А. Мокроусов был удостоен Государственной премии СССР за несколько своих песен – в их числе и песня «Заветный камень».

Заветный камень

(слова А. Жарова, музыка Б. Мокроусова)

Текст песни «Заветный камень».

*Холодные волны вздымает лавиной
Широкое Черное море.
Последний матрос Севастополь покинул,
Уходит он, с волнами споря.
И грозный, соленый, бушующий вал
О шлюпку волну за волной разбивал.
Припев:
В туманной дали
Не видно земли,
Ушли далеко корабли.*

*Кто камень возьмет, тот пускай
поклонится,
Что с честью носить его будет.
Он первым в любимую бухту вернется
И клятвы своей не забудет!
Тот камень заветный и ночью и днем
Матросское сердце сжигает огнем.
Припев:
Пусть свято хранит
Мой камень-гранит,
Он русскою кровью омыт!*

*Друзья-моряки подобрали героя,
Кипела вода штормовая.
Он камень сжимал посиневшей
рукою
И тихо сказал, умирая:
«Когда покидал я родимый утес,
С собою кусочек гранита унес –
Припев:
Затем, чтоб вдали
От крымской земли
О ней мы забыть не могли.*

*Сквозь бури и штормы прошел этот
камень,
И стал он на место достойно.
Знакомая чайка взмахнула крылами,
И сердце забилося спокойно.
Взошел на утес черноморский
матрос,
Кто Родине новую славу принес.
Припев:
И в мирной дали
Идут корабли
Под солнцем родимой земли.*

Рекомендуется прослушивание песни «Заветный камень» в исполнении Дмитрия Хворостовского «Песни военных лет».

На многие тысячи километров протянулся фронт Великой Отечественной войны. И на самом правом фланге этого фронта, у 69-й параллели, вел бой с вражескими ордами отважный гарнизон полуострова Рыбачий.

Моряки прозвали его «гранитным линкором». Дело в том, что защитники Рыбачьего с первых же дней войны оказались отрезанными от материка. С трех сторон их окружало Баренцево море, а с четвертой были фашисты. И так – почти сорок месяцев!

Гитлер требовал от своих генералов во что бы то ни стало захватить хотя бы часть полуострова. Но стойкость и мужество североморцев перечеркнули все планы захватчиков. Отсюда, от скалистых гор Рыбачьего, уходили в море бесстрашные десантники, громившие фашистов на вражеском берегу.

Среди экипажа «гранитного линкора» был боец морской пехоты, а затем сотрудник фронтовой многотиражки Николай Букин. Он-то и написал стихи, ставшие вскорости одной из любимых песен военных моряков. Да и не только моряков.

Случилось это так. Букин послал в редакцию газеты Северного флота «Краснофлотец» одно из первых своих стихотворений. Оно называлось «Не жить мне без моря» и начиналось со следующих строк:

Прощайте, скалистые горы,
На подвиг Отчизна зовет!
Мы вышли в открытое море,
В суровый и дальний поход.

Стихи эти в 1943 году прочитал композитор Евгений Жарковский, морской офицер, который почти всю войну провел на Северном флоте. Он давно уже искал стихотворение о героях Рыбачьего, которое можно было бы положить на музыку.

«Настроение поэтических строчек, – вспоминал впоследствии Евгений Жарковский, – которые выразительно передавали чувства людей, уходящих от родных берегов в свирепое Баренцево море для смертельной схватки с врагами, очень песенный характер стихотворения – все это помогло мне единым духом написать музыку».

Эта «единым духом» написанная в характере матросского вальса песня вскоре была опубликована в газетах Северного флота и Беломорской флотилии и стала одной из любимых мелодий защитников Заполярья. А потом, когда ее стали исполнять по радио такие мастера, как Владимир Бучников и Петр Киричек, песня «Прощайте, скалистые горы» получила широкую известность.

Адмирал А.Г. Головкин, в те годы командовавший Северным флотом, рассказывал в своей книге «Вместе с флотом» о том, как к морякам приезжал адмирал британского флота, пишет: «Мы устроили обед в честь гостей, а после обеда перед нами выступил наш флотский ансамбль, начинавший, как повелось по общему желанию всех на флоте, с прекрасной песни поэта-североморца Николая Букина и композитора Евгения Жарковского, пришедшего к нам на Север еще в первые дни войны. Много раз я, как и все на флоте, слышал волнующую каждого моряка песню «Прощайте, скалистые горы», посвященную североморцам, и всякий раз она снова и снова отзывалась в сердце. Особенно в тяжелые минуты...»

Песня и сейчас очень популярна. Космонавт Герман Титов на вопрос корреспондента «Юманите», какая его самая любимая песня, сказал: «Прощайте, скалистые горы».

«Прощайте, скалистые горы»
(слова Н.Букина, музыка Е. Жарковского)

Текст песни «Прощайте, скалистые горы»

<p><i>Прощайте, скалистые горы, На подвиг Отчизна зовет! Мы вышли в открытое море, В суровый и дальний поход. А волны и стонут, и плачут, И плещут на борт корабля... Растаял в далеком тумане Рыбачий, Родимая наша земля.</i></p>	<p><i>Корабль мой упрямо качает Крутая морская волна, Поднимет и снова бросает В кипящую бездну она. Обратно вернусь я не скоро, Но хватит для битвы огня. Я знаю, друзья, что не жить мне без моря, Как море мертво без меня.</i></p>
---	--

*Нелегкой походкой матросской
Иду я навстречу врагам,
А после с победой геройской
К скалистым вернусь берегам.
Хоть волны и стонут, и плачут,
И плещут на борт корабля,
Но радостно встретит героев
Рыбачий,
Родимая наша земля.*

На ветвях израненного тополя
Теплое дыханье ветерка...
Над пустынным рейдом Севастополя –
Ни серпа луны, ни огонька.

Стихотворение, которое начиналось этими строками, поэт Алексей Сурков написал в июне 1943 года, а год спустя опубликовал в своем поэтическом сборнике «Россия карающая». Там, по всей вероятности, и прочитал его композитор Сергей Потоцкий, работавший в ту пору над музыкой к кинофильму «Иван Никулин – русский матрос».

Это был первый в истории советского кинематографа полнометражный художественный фильм, снятый в цвете гидротипным способом, поэтому его нет-нет да и упомянут сегодня в киноведческих справочниках и пособиях. А ведь выпущенная на экраны страны весной 1945 года романтическая кинобаллада режиссера Игоря Савченко имела огромный успех у зрителей. Хорошо помню, как вместе со своими сверстниками и одногодками – детворой военного времени – «играл в Никулина», как до нас «играли в Чапаева». Подвиги главного героя картины матроса-богатыря Ивана Никулина и его боевых побратимов – черноморцев Захара Фомичева, Николая Жукова, неунывающего Папаши, достоверно и ярко сыгранных в фильме И. Переверзевым, Б. Чирковым, М. Сидоркиным и С. Каюковым, – стали для нас символом патриотизма, храбрости, удали, олицетворением славных традиций отечественного флота.

Полюбилась и надолго осталась в памяти песня про севастопольского моряка, которую исполнял в фильме Борис Чирков. Долго и безуспешно

разыскивал я ее слова и ноты. Как теперь выяснилось, нигде она не публиковалась. Только однажды, вскоре после выхода «Ивана Никулина» на экран, Борис Петрович напел ее на пластинку в сопровождении инструментального ансамбля. Давняя эта пластинка сохранилась в архиве семьи композитора. По ней и пришлось «восстанавливать» музыку «Песни о Севастополе» (так назвал ее Сергей Иванович Потоцкий).

В дни празднования сорокалетия героической обороны этого черноморского бастиона мы обратились к Борису Петровичу с предложением спеть эту песню. Уговаривать его не пришлось. И фильм про Ивана Никулина, и песня, которую он пел там, были, как выяснилось, очень дороги артисту. В телестудию Чирков пришел вместе с Иваном Федоровичем Переверзевым – исполнителем роли Ивана Никулина. Никогда не забуду, как волновались оба – многоопытные ветераны кино, народные артисты СССР, – вспоминая о работе над фильмом.

– Не только для меня, но и для всех нас участие в картине «Иван Никулин – русский матрос» – работа особенная, – сказал Борис Петрович Чирков. – Ведь создавалась она в самые напряженные дни Великой Отечественной войны и рассказывала людям о героических подвигах тех, кто защищал нашу Родину.

Песня, которую я пел в этой картине, тоже несет в себе, как мне думается, героическое начало. Она рассказывает о жестокой борьбе, очень жестокой. Герой песни погибает. Но в тоже время песня говорит о том, что человек даже в самых тяжелых обстоятельствах, если он настоящий человек, не теряет чувства собственного достоинства. Именно такими были и всегда остаются наши славные моряки...

– Режиссер-постановщик нашего фильма Игорь Савченко, – включился в разговор Иван Федорович Переверзев, – пригласил для участия в съемках группу моряков из московского морского экипажа. Это были удивительные люди! Каждый из них побывал в боях. Были среди них герои, которым приходилось участвовать на день в шести штыковых атаках!

Когда моряки появились у нас в съемочной группе, как раз привезли для актеров форму. Меня одели первым. Выглядел я, по сравнению с ними, прямо скажем, неважно. И тогда Игорь Андреевич, указав на меня, предложил ребятам: «Сделайте из него настоящего матроса». Моряки словно ждали этого и тут же принялись за меня основательно. Для начала они в морские брюки вставили «клинья». Тельняшку переделали так, что ее надевали на меня, как чулок. То же самое проделали с бушлатом и бескозыркой, и, действительно, я стал похож на настоящего моряка. Потом, во время съемок они ревностно следили, чтобы в чем-то я, как говорится, не уронил чести, достоинства и звания матроса Ивана Никулина. Следили и помогали мне как актеру. И если роль мне удалась, то это в большой степени их заслуга...

Долго продолжалась беседа. Потом Борис Петрович спел песню, и звучала она так же вдохновенно, как и тридцать пять лет назад. Очень растрогали Чиркова и Переверзева сувениры, приготовленные для них сегодняшними моряками, участвовавшими в передаче: бескозырки – символ

матросской славы и геройства. Весело улыбающихся, в бескозырках, которые вновь, спустя годы, оказались им очень к лицу, запомнились они нам в эту встречу.

Позднее, уже после смерти прославленных актеров, в нотной библиотеке оркестра кинематографии удалось обнаружить симфоническую партитуру «Матроса Никулина» – таково было, оказывается, первоначальное название картины, написанное рукой С. Потоцкого на титульном листе его рукописи. По ней и восстановлен был клавир песни, которая, надеюсь, займет достойное место в музыкальной летописи военных лет.

Ю. Бирюков

Песня о Севастополе

(Музыка С. Потоцкого, слова А. Суркова)

Текст песни о Севастополе

*На ветвях израненного тополя
Теплое дыханье ветерка.
Над пустынным рейдом Севастополя –
Ни серпа луны, ни огонька,
В эту ночь кварталами спаленными,
Рассекая грудью мрак ночной,
Шел моряк, прощаясь с бастионами,
С мертвой корабельной стороной.*

*Шел моряк над бухтами унылыми,
Где душе все камушки милы...
На кладбище старом, над могилами
Конвоиры вскинули стволы.
Он стоял. Тельняшка полосатая
Пятнами густыми запеклась.
Он сказал: "Повоевал богато я,
С черной вашей сворой бился всласть",*

*Встали здесь на якорь вы не рано ли?
Шторм придет и вырвет якоря...
Вперебой, не в лад, винтовки грянули,
Небо кровью залила заря...
На ветвях израненного тополя
Теплое дыханье ветерка.
Над пустынным рейдом Севастополя –
Ни серпа луны, ни огонька.*

«В годы войны я служила в городе Полярном, в ОРСУ Северного флота. Из нас, девушек-писателей, был организован самодеятельный ансамбль, которым руководил Сергей Весновский, прекрасно игравший на аккордеоне. Он был автором музыки многих песен, которые мы исполняли.

Хорошо принимали, к примеру, такие его песни, как «Не грусти, мамаша дорогая», «Я люблю этот город туманов». Но особой любовью и успехом у слушателей пользовалась песня, написанная им на стихи нашего североморского поэта Николая Букина «Ой ты, море, море!». Мы выступали с ней в госпитале, в Доме флота, на боевых кораблях и на базе подводных лодок, а однажды ездили даже с концертом на Новую Землю.

Очень мелодичная и задушевная была песня. Отыщите ее, пожалуйста.

Волкова (Зенова) О.Ф.,

ст. Варениковская Краснодарского края».

С поэтом-североморцем Н.И. Букиным я знаком давно, пожалуй с тех пор, когда еще молодым лейтенантом с первыми своими произведениями переступил порог Военного издательства, где он работал.

– Знакомься. Поэт Николай Букин, – подвел меня музыкальный редактор издательства Александр Абрамов к худощавому офицеру небольшого роста в ладно сидящей на нем морской форме.

Я с волнением пожал руку автору знаменитых «Скалистых гор». Зашел разговор о песнях, а больше – о песенных поисках, которыми в те годы я только начинал заниматься. Вот тогда-то я и услышал от поэта впервые о его песне «Ой ты, море, море!».

– Она, конечно, не так распространилась и не стала такой знаменитой, как «Прощайте, скалистые горы», – сразу предупредил меня Николай Иванович, – но песней этой я очень дорожу. К сожалению, потерял следы и до сих пор ничего не могу узнать о судьбе автора ее музыки – самодеятельного флотского композитора-офицера Сережи Весновского. Может быть, вы о нем что-либо слышали?

К сожалению, мне в ту пору о Весновском ничего не было известно. Но прошли годы. И вот снова упоминание о композиторе песни «Ой ты, море, море!».

Звоню Николаю Ивановичу Букину. Интересуюсь, удалось ли ему что-либо узнать о судьбе своего давнего соавтора. А главное – как сложилась дальнейшая судьба этой его и Весновского песни?

И вот что рассказал мне поэт:

– Несколько лет назад зимним воскресным днем я шел по текстильному городу Иванову. Вдруг на одной из многолюдных улиц услышал:

Ой ты, море, море,
Ни конца, ни края...

Моя песня, мои стихи! Но откуда ее знают молодые ребята из этого совсем не морского города? Ведь песня нигде и никогда не печаталась, хотя стихи были написаны еще в 1944 году.

Некоторое время спустя снова встретился с этой песней. По телевидению показывали фильм «Покорение Джомолунгмы». На одном из привалов уставшие альпинисты запели на ту же мелодию несколько иной текст:

Ой вы, горы, горы,
Ни конца, ни края.
Ходят низко тучи,
Снежный шторм ревет.
Все та же песня, правда, измененная.

В начале семидесятых годов был в Мурманске. В тот приезд по заявкам рыбаков-мурманчан местное радио передавало песни. И слышу какой-то певец приятным баритоном поет «Ой ты, море, море!». Выясняю, что песню эту по мурманскому радио пел старейший артист Североморского ансамбля Евгений Иванов. Он подарил мне на память магнитофонную запись песни в его исполнении. Но клавира ее у него не оказалось.

В свое время песню «Ой ты, море, море!» исполнял ансамбль песни и пляски Северного флота. Может, там сохранились ее ноты – партитура или

клавир?

Ни того ни другого отыскать в архивах ансамбля не удалось. И тогда я попросил композитора Александра Абрамова сделать запись и гармонизацию песни с магнитофонной пленки Евгения Иванова. В обработке Абрамова песня «Ой ты, море, море!» и была опубликована в журнале «Советский воин». Я очень надеялся, что на эту публикацию откликнется наконец автор ее музыки или те, кто что-либо знает о его судьбе. Но пришло только одно письмо из города Горького от ученицы средней школы Светланы Стефаненковой, в котором упоминалось, что Сергей Павлович Весновский вел в их классе уроки пения и разучивал с ними эту песню.

Написал в адрес школы письмо, но ответа на него так и не получил...

В дни празднования полувекового юбилея Краснознаменного Северного флота песня «Ой ты, море, море!» прозвучала в нашей передаче по многочисленным заявкам ветеранов-североморцев.

Ю. Бирюков

Ой ты, море, море

(музыка С. Весновского, слова Н. Букина)

Текст песни «Ой ты, море, море»

<i>Ой ты, море, море, ни конца, ни края, Ходят низко тучи, снежный шторм ревет. В ледяные сопки бьет волна морская, Да порою чайка мне крылом махнет.</i>	<i>Может, утром рано ты на край прибоя Моряка с победой поздравлять придешь, С берега крутого мне махнешь рукою, Я пойму, что любишь, я пойму, что ждешь.</i>
<i>Не грусти, подруга, встретимся мы вскоре, Возвращусь с победой я издалека. Неспокойно наше Баренцево море, Но зато спокойно сердце моряка.</i>	<i>Ой ты, море, море, не гляди сурово, Ой вы, дорогие русские края! Здравствуй, милый город, принимай швартовы, Обними покрепче, милая моя!</i>

Много лет назад в мои руки попал рукописный клавир песни «Баюшки-баю», датированный декабрем 1944 года. Подарил мне его вместе с другими интереснейшими, а подчас и просто уникальными материалами по военной песне известный в прошлом хоровой дирижер Василий Петрович Кутузов. В предвоенные годы и во время Великой Отечественной войны он работал в Центральном Доме Советской Армии имени М.В. Фрунзе, редактировал выпускающиеся там песенные сборники и листовки, составляя методические пособия по их разучиванию.

На клавире песни, там, где обычно пишется фамилия автора слов, стояло – «Вс. Вишневский»; крупными буквами выделено было взятое в кавычки название (как потом выяснилось, пьесы) – «У стен Ленинграда». А дальше шли знакомые мне с военного детства строчки:

Я вам песню спою,
Песню старенькую,
Нам ее пели
У колыбели:

«Баюшки-баю».

Песню «Баюшки-баю» многие хорошо знают и помнят. Она, правда с другим названием – «Море шумит», часто звучала в конце войны и впервые послевоенные годы по радио, с концертной эстрады, была записана на грампластинку. Широко известно имя автора ее музыки – талантливого советского композитора Бориса Андреевича Мокроусова. Но что меня заинтересовало больше всего в рукописи этой песни – это приведенные в ней слова. Они очень отличались от тех, что публиковались в песенных сборниках, в качестве авторов которых фигурировали фамилии В. Балашова и В. Карпова.

Вне всякого сомнения, это был стихотворный первоисточник песни, именно тот вариант ее текста, который запомнился со времен войны и мне самому, и многим фронтовикам, цитировавшим его в своих письмах. И так, кто же автор этих стихов?

Версия о причастности к словам песни Всеволода Вишневского отпала, как только я познакомился с текстом пьесы и с дневниками писателя, опубликованными в собрании его сочинений.

Работа над пьесой «У стен Ленинграда» была начата в январе 1943 года и закончена весной 1944-го. Постановку ее осуществил театр Краснознаменного Балтийского флота. Ставил пьесу заслуженный артист РСФСР А.В. Пергамент.

6 апреля 1944 года в Выборгском Доме флота состоялась сдача спектакля Военному совету Пубалта КБФ, а 10 апреля – премьера в самом Ленинграде, городе-герое, защитникам которого пьеса и была посвящена. В основу ее были положены материалы о действиях знаменитой морской пехоты – моряков Балтики.

Летом 1944 года пьеса «У стен Ленинграда» была показана москвичам и очень тепло была принята зрителями.

«Правда» в рецензии на этот спектакль, помещенной 2 сентября 1944 года писала:

«Театр Краснознаменного Балтийского флота, драматург Вс. Вишневский и художник С. Вишневская соединили свои творческие усилия, чтобы показать на сцене одну страницу из истории борьбы за Ленинград. Все они пережили блокаду в стенах города, поистине гордого и стоического.

Может быть, это и сообщило пьесе и спектаклю то решающее качество, которое если и не устраняет недостатков, то, во всяком случае, заставляет говорить о них, как о чем-то присутствующему, но не главном.

Это качество состоит в том, что спектакль наполнен дыханием великой войны и зритель видит не только поведение героев, но и движение настоящей боевой жизни...».

Не остались незамеченными и были положительно оценены в рецензии музыка и песни, написанные к спектаклю композитором Б. Мокроусовым.

Архива композитора, к сожалению, не сохранилось. Скупые сведения о его работе над музыкой к пьесе ВС. Вишневского удалось отыскать в архивах Всесоюзного агентства по авторским правам. К тому времени, когда

политическое управление Военно-Морского Флота СССР командировало Бориса Андреевича в Ленинград, им было уже создано несколько песен, получивших широкое распространение на фронте, в том числе «Песня защитников Москвы» на стихи Алексея Суркова и «Песня о Сталинграде» на стихи Василия Лебедева-Кумача. Накануне поездки в Ленинград была закончена и прозвучала по радио его баллада «Заветный камень» на стихи Александра Жарова, по праву вошедшая в золотой фонд песен Великой Отечественной войны.

Сохранилось два документа, относящихся ко времени работы Мокроусова над музыкой к песне. Первый из них – письмо, датированное 4 декабря 1943 года, хранящееся в ВААПе, в котором он пишет:

«За время пребывания в Ленинграде мной написана музыка к пьесе Вс. Вишневского «У стен Ленинграда» для Краснознаменного Балтийского флота. Пьеса включает в себе 3 акта. Ко всем актам написана оригинальная музыка и песни...».

Какие конкретно песни, Мокроусов не перечисляет и не называет. Однако некоторое время спустя композитором представлен был перечень произведений, подлежащих учету в ВААПе, среди которых названы «Баюшки-баю» (колыбельная), «Моряцкая», «Рогулька» и указано, что слова каждой из этих песен написаны самим Мокроусовым.

Вполне возможно, что именно эти песни были написаны им для пьесы и включены в музыкальную партитуру спектакля «У стен Ленинграда». Убедиться в этом можно, безусловно, лишь тогда, когда отыщется сама партитура или откликнутся участники этого спектакля, его первые зрители.

Как следует еще из одного документа, подписанного Б. Мокроусовым и датированного 12 апреля 1962 года, спустя почти два десятилетия после премьеры спектакля этот был снова поставлен в Ленинграде и опять-таки с музыкой Бориса Андреевича. На этот раз постановку осуществил театр имени Ленсовета. Вполне возможно, что, возобновляя спектакль, театр воспользовался материалами, сохранившимися со времен войны и переданными ему театром КБФ. Привлекался ли к участию в работе над этим спектаклем автор музыки и какие песенные материалы в нем прозвучали, пока неизвестно.

Но сведения эти важны и дороги как страницы биографии и самой пьесы, ставшей значительным событием театральной жизни непокоренного города-героя, и конечно же, песни, судьба которой также связана с незабываемыми страницами его героической истории.

Подробности военной ее биографии необходимо и важно восстановить еще и потому, что в послевоенные годы с песней Бориса Мокроусова стала «мудрить», как выразился однажды по аналогичному поводу Алексей Сурков, имея в виду бесплодные попытки «улучшить» текст его знаменитой «Землянки», заменив и убрав из него строки «До тебя мне дойти не легко, а до смерти четыре шага», которые кое-кому показались упадническими разоружающими. Так получилось и с песней «Баюшки-баю».

За годы своего существования песня Бориса Мокроусова претерпевала

значительные изменения. В 1945 году она была опубликована с новым названием «Море шумит» и с указанием на то, что слова ее принадлежат В. Балашову, хотя последним был написан всего один куплет. Им заменили второй куплет, принадлежавший Мокроусову. Два других мокроусовских куплета в песне остались, но фамилия его как автора или даже соавтора текста уже не фигурировала.

Еще через шесть лет в песне этой вместо третьего куплета, принадлежащего Мокроусову и начинавшегося как бы пророческими словами: «В небе моем звездочки нет, в песне моей вырван куплет...» – появился новый, сочиненный неким В. Карповым. И в этом, а также во всех последующих изданиях песни в качестве авторов ее слов стали называть Балашова и Карпова.

На судьбе этой песни все это не могло не сказаться. Ее стали забывать. Постепенно она исчезла из репертуара певцов и ансамблей. А в народе ее продолжали петь и поют до сих пор в первоизданном виде, какой ее знали и пели в далекие военные годы.

Море шумит

(музыка и слова Б. Мокроусова)

Ноты песни вы можете найти на сайте Borismokrousov.ru

Текст песни «Море шумит»

<i>Море шумит</i>	<i>С ней мы росли</i>	<i>В небе моем</i>
<i>Грозной волной,</i>	<i>В доме родном</i>	<i>Звездочки нет,</i>
<i>Чайка летит</i>	<i>И унесли</i>	<i>В песне моей</i>
<i>Рядом со мной.</i>	<i>В сердце своем.</i>	<i>Вырван куплет,</i>
<i>Что ж вы, друзья,</i>	<i>С нами живет она в море</i>	<i>Где на последней странице</i>
<i>приуныли,</i>	<i>Недрузгам нашим на горе.</i>	<i>И о любви говорится...</i>
<i>Песни морские забыли?</i>	<i>И в горячем бою</i>	<i>Лучше в мирном краю</i>
<i>Я вам песню спою,</i>	<i>Мы за землю свою</i>	<i>Кончим песню свою.</i>
<i>Песню старенькую,</i>	<i>Недрузгов с ходу</i>	<i>Сколько сумели,</i>
<i>Нам ее пели</i>	<i>Топим под воду –</i>	<i>Столько и спели:</i>
<i>У колыбели:</i>	<i>"Баюшки-баю".</i>	<i>«Баюшки-баю».</i>
<i>«Баюшки-баю».</i>		

Кто из людей старшего и среднего поколения не помнит эту песню?

Ехал я из Берлина по дороге прямой,
 На попутных машинах ехал с фронта домой.
 Ехал мимо Варшавы, ехал мимо Орла –
 Там, где русская слава все тропинки прошла.

Пели ее и бойцы, возвращающиеся с победой на Родину, пели и те, кто ждал своих родных и близких.

– «Ехал я из Берлина»... Эти строки пришли мне в голову, как только наши войска начали штурм Берлина, – говорит лауреат Государственной премии СССР Л.И. Ошанин. – Всех тогда переполняла радость близкой Победы. Каждый знал, что недалек тот день, когда воины-победители вернутся домой. Я, например, очень ярко представлял такую картину: молодой русский солдат, лихой парень с выбившимся из-под пилотки золотистым чубом, широко

улыбаясь, стоит в кузове выдавшей вида фронтальной машины, которая мчит его к родному дому, к невесте...

А когда настал долгожданный день великой Победы, стихотворение было закончено. Поэт показал его композитору Исааку Осиповичу Дунаевскому.

...Сколько замечательных, поистине неувядаемых песен создал в довоенные годы этот композитор! Жизнеутверждающие и яркие, они пришлись по сердцу народу, быстро становились известными, пелись по всей стране.

Но вот грянула война. «Настал исторический час, – писал в одной из своих статей И.О. Дунаевский, – когда всю нашу творческую энергию, всю впитанную в кровь и сознание любовь к Отчизне, весь накопленный опыт и мастерство, всю нашу гордость и достоинство советских художников мы должны влить в произведения, направленные на службу народу, на помощь в его героической борьбе с фашистскими ордами Гитлера! Нечего и говорить, что целиком отдам ей все мои силы». Слова его не разошлись с делом. В первые же месяцы войны Дунаевским были написаны такие песни, как «На врага, за Родину – вперед!» на стихи В. Лебедева-Кумача, и «Моя Москва» на стихи М. Лисянского, ставшие за короткий срок очень популярными. Всего за военные годы композитор сочинил около сорока песен.

Но вернемся к песне «Ехал я из Берлина».

– Прочитав стихи, – продолжает Ошанин, – Дунаевский сразу же сел за рояль и начал импровизировать. И вот что интересно: когда песня была закончена и окончательно отредактирована, мелодия ее мало чем отличалась от той, которую Дунаевский наиграл с «ходу», в первый раз. В стихах Ошанина еще не было припева. Дунаевский, продолжая импровизировать, сказал ему:

– По-моему, надо так. Попробуйте на эту мелодию написать слова...

Мелодия припева так понравилась поэту, что стихи на нее он написал сразу же по дороге домой.

Это была первая совместная творческая работа И.О. Дунаевского и Л.И. Ошанина.

Исполнителем песни стал коллектив, руководимый в то время Дунаевским, – Ансамбль песни и пляски Центрального Дома культуры железнодорожников.

Песня стала одним из первых произведений, посвященных возвращению советского солдата на Родину.

Ехал я из Берлина

(музыка И. Дунаевского, слова Л. Ошанина)

Текст песни «Ехал я из Берлина»

Ехал я из Берлина, по дороге прямой,

На попутных машинах ехал с фронта домой.

Ехал мимо Варшавы, ехал мимо Орла –

Там, где русская слава все тропинки прошла.

Припев: Эй, встречай,

С победой поздравляй,

Белыми руками

Покрепче обнимай!
 Очень дальние дали мы с друзьями прошли,
 Но нигде не видали лучшей нашей земли.
 Наше солнышко краше, и скажу, не тая:
 Лучше девушек наших нет на свете, друзья!
 Припев: *Эй, встречай,*
 С победой поздравляй,
 Белыми руками
 Покрепче обнимай!
 За весенние ночи, за родную страну
 Да за карие очи я ходил на войну.
 Вы цветите пышнее, золотые края,
 Ты целуй горячее, дорогая моя.

Каждая песня рождается по-своему. Но, пожалуй, ни одна песня не была написана в таких необычных условиях, как та, о которой пойдет сейчас речь.

Это было ранней весной 1945 года. Потрепанный трофейный автобус вез ленинградскую концертную бригаду, которая должна была выступать перед бойцами и моряками в Прибалтике и Восточной Пруссии. В состав бригады кроме артистов входили авторы многих любимых песен – поэт Алексей Фатьянов и композитор Соловьев-Седой.

Путь предстоял долгий и нелегкий. Часть, в которую ехала бригада, стремительно продвигалась вперед, и старенький автобус никак не мог догнать ее. К тому же тяжелые танки и самоходные орудия разворотили дороги и сделали их почти непроходимыми.

Автобус трясло как в лихорадке.

– Писать было невозможно, – вспоминает Соловьев-Седой. – Стоило только вытащить карандаш и бумагу, как при очередном толчке карандаш вылетал из рук и, описав дугу, рикошетом отскочив от потолка, исчезал в недрах нашего автобуса. А работать было необходимо...

Дело в том, что композитор и поэт решили сочинить новую песню.

Тема этой песни родилась под впечатлением встреч с бойцами, прошедшими долгий и славный путь борьбы и побед, давно уже оторвавшимися от родных мест, от своих близких. Авторам очень хотелось, чтобы премьера песни состоялась в той части, куда они ехали.

– Фатьянов импровизировал вслух стихи, а я мурлыкал под нос, разрабатывая мелодию песни, – рассказывает композитор. – Делали мы это непрерывно в течение нескольких часов, чтобы не забыть ни мелодии, ни текста. Только надсадные восклицания при очередном ухабе ненадолго прерывали наше занятие, и опять все начиналось сначала. Фатьянов придумывал новую строку, а я ловил ускользающую мелодию, вновь и вновь возвращался к ней, подыскивая разные варианты.

Постепенно включились в эту работу и другие участники поездки. Всем хотелось порадовать бойцов новой песней. Певец Ефрем Флакс начал подпевать композитору, аккордеонист неуверенно и робко стал подбирать музыку. Но случилась беда: автобус так потряхнуло, что аккордеон вышел из

стройка. Пришлось продолжать репетицию без аккомпанемента, учить песню с «голоса».

Поздно вечером автобус затормозил у шлагбаума, преграждавшего дорогу.

– Нам нужно энское хозяйство, – сказал водитель, назвав номер части.

– Оно самое, – улыбнулся регулировщик и открыл шлагбаум.

Не прошло и часа, как на полянке при свете автомобильных фар начался концерт. И тут впервые прозвучали слова:

Давно мы дома не были,
Цветет родная ель,
Как будто в сказке-небыли
За тридевять земель...

Премьера прошла с большим успехом. Грохот аплодисментов походил на канонаду.

– Уже в третий раз спели мы сочиненную в дороге песню для тех, кто действительно давно не был дома и пришел сюда «за тридевять земель», чтобы свести счеты с врагом за сожженные города и села, за поработанных братьев и сестер. Долго не расходились бойцы...

А когда концерт окончился, выяснилось, что артисты выступали не в той части, куда ехали. Оказывается, регулировщик по приказу командира части слукавил, чтобы заполучить концертную бригаду...

Но артисты не обиделись на командира: ведь песня нужна была всем. Потом они все же нагнали «свою» часть. И здесь новая песня также пришлась по душе бойцам, ее заставили повторить несколько раз. Ведь им привезли частицу дома, где они давно не были, перенесли их в своих мечтах туда,

Где елки осыпаются,
Где елочки стоят,
Который год красавицы
Гуляют без ребят...

За создание «Давно мы дома не были» и других песен В.П. Соловьеву-Седому в 1947 году была вторично присуждена Государственная премия СССР.

А.Е. Луковников

Давно мы дома не были

(слова А. Фатьянова, музыка В. Соловьева-Седого)

Текст песни «Давно мы дома не были»

*Горит свечи огарочек,
Гремит недалний бой...
Налей, дружок, по чарочке,
По нашей фронтовой.
Налей, дружок, по чарочке,
По нашей фронтовой
Не тратя время попусту,
Поговорим с тобой.
Давно мы дома не были,
Цветет родная ель...*

*Где елки осыпаются,
Где елочки стоят,
Который год красавицы
Гуляют без ребят.
Который год красавицы
Гуляют без ребят.
Без нас девчатам кажется,
Что звезды не горят.
Без нас девчатам кажется,
Что месяц сажей мажется,*

*Как будто в сказке-небыли
За тридевять земель...
Как будто в сказке-небыли
За тридевять земель...
На ней иголки новые,
Еловые на ней.
На ней иголки новые,
А шишки все еловые,
Медовые на ней.*

*А звезды не горят.
Зачем им зорьки ранние,
Коль парни на войне,
В Германии, в Германии –
Далекой стороне.
В Германии, в Германии –
Далекой стороне.
Лети, мечта солдатская,
К дивчине самой ласковой.
Напомни обо мне.
Горит свечи огарочек,
Гремит недалёкий бой...
Налей, дружок, по чарочке,
По нашей фронтовой.*

Список песен, вошедших в методическое пособие

1. Бескозырка (музыка И. Жака, слова Н. Верховского)
2. Полярный вальс (музыка Е. Жарковского, слова Д. Алтаузена)
3. Это в бой идут матросы (музыка Б. Терентьева, слова Н. Флерова)
4. Любаша (музыка И. Стельмана, слова Н. Доризо)
5. Синеглазая морячка (музыка Е. Жарковского, слова Н. Флерова)
6. Море Балтийское (слова Я. Родионова, музыка А. Хачатуряна)
7. Песня о «Гремящем» (слова Е. Иващенко, музыка Е. Жарковского)
8. О чем ты тоскуешь товарищ моряк? (Слова В. Лебедева-Кумача, музыка В. Соловьева-Седого)
9. Заветный камень (слова А. Жарова, музыка Б. Мокроусова)
10. «Прощайте, скалистые горы» (слова Н.Букина, музыка Е. Жарковского)
11. Песня о Севастополе (музыка С. Потоцкого, слова А. Суркова)
12. Ой ты, море, море (музыка С. Весновского, слова Н. Букина)
13. Море шумит (музыка и слова Б. Мокроусова)
14. Ехал я из Берлина (музыка И. Дунаевского, слова Л. Ошанина)
15. Давно мы дома не были (слова А. Фатьянова, музыка В. Соловьева-Седого)

Литература:

Друзья-однополчане, Москва, 1975 г.;

Эхо прошедшей войны, Москва, издательство «Музыка», 1983 г.

Песни, рожденные в боях, Москва, издательство «Музыка», 1985 г.;

Нотный архив России

сайт Vorismokrousov.ru (Борис Мокроусов)